

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог. СТАРШИЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ ВОЛИН	5
Глава первая. ГОСТЬ ИЗ ОСОБОГО ОТДЕЛА	14
Глава вторая. КРЫСА ПО ИМЕНИ ГИТЛЕР	26
Глава третья. НОЧНОЙ ВИЗИТ АНГЕЛА СМЕРТИ	52
Глава четвертая. ПРИКАЗАНО ВЗЯТЬ ЖИВЫМ	75
Глава пятая. НЕМЕЦ ПОНЕВОЛЕ	97
Глава шестая. УМРИ ТЫ СЕГОДНЯ	115
Глава седьмая. НА КРЮЧКЕ У БЛАТАРЕЙ	152
Глава восьмая. ДОЛГ И ВЫКУП	177
Глава девятая. СКОЛЬЗКИЙ, КАК НАЛИМ	201
Глава десятая. ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ	226
Глава одиннадцатая. ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ПЕДАГОГИКА	244
Глава двенадцатая. ЧЕЛОВЕК СО ШРАМОМ	263
Глава тринадцатая. УЧИТЕЛЬ — УЧЕНИКУ	285
Глава четырнадцатая. НАСЛЕДСТВО ЦИРКУЛЯ	306
Глава пятнадцатая. ВСТРЕЧА С ДУШЕГУБОМ	328
Эпилог. ПЯТЬ МИЛЛИОНОВ ЮАНЕЙ	346

Пролог

СТАРШИЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ ВОЛИН

Наше время. Москва

День у старшего следователя СК Ореста Волина выдался нынче какой-то особенно нервный и утомительный.

Помимо разных серьезных расследований, на нем висело сейчас дело блогера Туркова. Треклятый блогер, обвиняемый в неуплате налогов почти на 200 миллионов рублей и посаженный под домашний арест, ухитрился снять с ноги электронный браслет и попытался удрать за границу. Может быть, это ему бы даже и удалось, если бы он не пошел, как все блогеры, путем избыточного хитрожопия. Желая ввести надзорные органы в заблуждение, он заказал в Интернете авиабилет в Казахстан, а сам между тем выехал на машине каршеринга в сторону российско-белорусской границы, где его благополучно и задержали, поскольку по заказанному заранее авиабилету стало ясно, что блогер пустился в бега.

Строго говоря, людей, подобных Туркову, блогерами звали только потому, что в приличном обществе у нас сильные выражения до сих пор не в ходу. Правда, приличное общество в последние годы ску-

кожилось донельзя и, по мнению непосредственного начальника Волина полковника Щербакова, в полном составе отражалось в его домашнем зеркале. Для таких ухарей, как Турков, интернет-общественность придумала слово «инфоцыгане». Эта публика за бешеные деньги продавала мечты и билетики счастья потерявшим надежду обывателям, перед которыми маячила ужасающая перспектива всю оставшуюся жизнь выплачивать ипотеку, чтобы, ложась в гроб, с облегчением сказать:

— Ну уж эту-то квартиру у меня точно никто не отнимет.

Турков был типичный инфоцыган с уклоном в мануальную терапию. Он не только учил своих подписчиков правильно мечтать, но также обещал отдельным счастливицам незамедлительную беременность после перевода соответствующих донатов на его счет.

— Чтобы я этого слова больше не слышал! — решительно заявил Волину полковник Щербаков.

— Какого слова? — не понял Волин.

— Инфоцыгане, — отвечал полковник. — Это обидно и оскорбительно для настоящих цыган, которые не инфо. Они, как ты понимаешь, цифровыми преступлениями не балуются, они по другой части.

— А как же их теперь называть? — удивился старший следователь. — Инфояпонцы? Инфофранцузы? Или, может, инфоиндейцы?

— Зови как хочешь, но чтоб без цыган мне, — заключил полковник. И, подумав, добавил: — И вообще без наций и народностей. Зови таких блогеров как-нибудь попроще, например инфожулики.

И засмеялся, довольный своей изобретательностью.

Тем не менее, хотя термин «инфоцыгане» теперь сделался словом нон грата, само явление оставалось весьма актуальным. Блогеры, и в частности Турков, резали мирным гражданам подошвы прямо на ходу. Чтобы разоблачить такого, с позволения сказать, ухаля, по мнению старшего следователя, не нужно было даже как-то особенно размышлять: достаточно было взглянуть на его хитрожопую физиономию — и все сразу становилось ясным как божий день. Об этом он, в частности, сказал и полковнику Щербакову.

Тот, однако, с ним не согласился.

— Во-первых, — сказал он, — хитрожопая физиономия — это оксиморон. Ты знаешь, майор, что такое оксиморон?

— Само собой, Геннадий Романович, — отвечал Волин со скромным достоинством. — Оксиморон — это иностранный агент. На мой взгляд, неважно сочиняет, Пушкин писал гораздо лучше.

— Это не то, — нахмурился полковник. — Это другой оксиморон. Я тебе говорю про сочетание несочетаемого. Вроде «горячий снег», «сухая вода», «неподкупный чиновник»...

Разумеется, старший следователь отлично знал, что такое оксиморон, однако зачем же лишать начальство удовольствия показать свою эрудицию? Начальство надо не критиковать и выставлять дураком, а, напротив, поддерживать в добром расположении начальственного духа. Пусть начальство думает, что оно не только умнее подчиненного, но и лучше образованно.

— Итак, забудь про хитрожопые физиономии, поскольку это оксиморон, — продолжал свою мысль полковник. — Это во-первых. Во-вторых же и в-главных, помни, что жизнь у некоторых людей

настолько трудная, что они рады любой надежде, которую им дадут, пусть даже самой призрачной. И уж, конечно, не будут они вглядываться в физиономию жулика, который им эти самые надежды навевает. Однако всякому жулику рано или поздно приходит что, майор?

— Маленький пушной зверек? — предположил Волин.

Полковник Щербаков на это только головой покачал и назвал его утопистом вроде Оруэлла. О том, чтобы жуликам в отечестве нашем пришел пушной зверек, об этом приходится только мечтать. Но по меньшей мере жуликам может прийти укорот со стороны правоохранительных органов. Другое дело, что укорот этот приходит обычно не в тот момент, когда жулики обманывают рядовых граждан, а когда позволяют себе обманывать государство. Например, Федеральную налоговую службу.

— Не говоря уже про все остальное, — вставил Волин.

Не говоря про все остальное, согласился полковник.

Конечно, у постороннего человека, если бы вдруг удалось ему подслушать беседу Волина и Щербакова, возник бы недоуменный вопрос: это что за разговор такой? Откуда взялись эти фривольные интонации, все эти пушные зверьки и оксимороны, когда речь идет о материях государственной важности, причем говорят об этих материях двое госслужащих в одном из самых серьезных заведений нашей отчизны?

Собственно, такой вопрос и возник однажды у одного штатского знакомого Ореста Волина.

— Слушай, — сказал знакомый изумленно, — вы всегда так между собой разговариваете? Я думал,

у вас серьезное заведение: колесо, дыба, иголки под ногти. А у вас прямо какой-то театр оперетты.

— Вот именно, театр, — согласился старший следователь. — Видишь ли, дорогой друг, все дело в том, что в нашем крайне серьезном деле очень важна игра. Это при царе Иване Грозном дознание и следствие состояли из череды сменяющих друг друга пыток. Сейчас другие времена, сейчас никого не пытаются — во всяком случае, у нас, в Следственном комитете. Вопрос: как добиться от подследственного откровенных и, главное, правдивых показаний, если его ни пытать нельзя, ни даже припугнуть толком? Ответ — играть. Устроить в кабинете театральное представление, лицедействовать. Исходя из материалов дела, работник СК пишет следственную пьесу и режиссирует будущий допрос фигуранта. При этом следователь сам является главным действующим лицом, так сказать, звездой пьесы. Он должен втянуть в спектакль, который он разыгрывает, подследственного, раскрыть его, заставить хорошо сыграть свою роль. Для этого продумываются все драматические коллизии, все повороты сюжета. В сталинские времена самым крутым поворотом сюжета был момент, когда добрый следователь дает подследственному закурить, а злой следователь дает ему в зубы. Но это однообразно и примитивно, особенно если учитывать, что сейчас многие не курят, а зубы можно и новые поставить, были бы деньги. И вот потому-то в новейшие времена и родился камерный в лучшем смысле этого слова театр Следственного комитета Российской Федерации.

Тут Волин прервался и поглядел на своего знакомого с пугающе доброй улыбкой.

— Ты видел, как себя ведут профессиональные актеры? Они почти никогда не останавливаются,

они играют даже в жизни. Для чего? Для того, чтобы всегда быть в тонусе, чтобы не терять форму. И нам, работникам СК, тоже форму терять нельзя. И именно поэтому мы с полковником ведем такие легкомысленные разговоры. На самом деле это не просто разговоры, шутки и прибаутки. Это разминка, репетиция, упражнение в следственном мастерстве. В действительности же мы крайне серьезные люди. Особенно когда на горизонте маячит большой срок.

И он посмотрел на знакомого так, что у того по спине пошла дрожь.

Вот так-то, дорогие друзья. Не правы те, кто думает, что в следственном процессе важна только каменная задница: рано или поздно что-нибудь да высидишь. Даже полковник Щербаков был с этим согласен.

— Задница, конечно, важна, — говорил полковник. — Но не менее важна в нашем деле и голова. Вдохновения и импровизации никто еще не отменял.

Незапланированный приступ вдохновения устроил им сегодня посаженный под домашний арест блогер Турков. Спасибо Интернету: нынче любой документ и любое уведомление можно послать в мгновение ока, а значит, ни один блогер не уйдет от заслуженного наказания. Правда, те несколько часов, которые прошли между побегом Туркова и его поимкой, показались Волину долгими и весьма неприятными.

Все это время полковник Щербаков рвал и метал. Он был в ярости, и ярость эту вымещал на старшем следователе. Как будто это Волин принял решение держать блогера под домашним арестом, и как будто лично он обязан был обеспечивать его

содержание. Справедливости ради заметим, что именно старший следователь на суде потребовал помещения Туркова не в камеру, а под домашний арест. Так что с формальной точки зрения часть его вины в случившемся все-таки имелась. Но тут, простите, он действовал в полном соответствии с курсом на гуманизацию. Курс этот полковник Щербаков обозначил в короткой формуле: «Не сажать, а присаживать».

— Как это? — заинтересовался Волин, в первый раз услышав это изящное выражение.

— Ну, вот, например, вызываешь ты на допрос подследственного, — с охотой объяснил полковник. — Вот он вошел. Ты можешь рявкнуть: «Садитесь!» А можешь, наоборот, сказать со всей возможной вежливостью: «Присядьте, пожалуйста». Результат будет один и тот же, но процесс различается принципиально. Пусть правонарушителю грубит народный суд, на то он и народный, а мы будем вежливы и деликатны.

Волин, конечно, мог сказать, что народных судов в России нет с 1997 года, когда их переименовали в районные, но не стал. Общий посыл был ясен: противопоставление тактичных и деликатных следственных органов грубым и неженственным органам судопроизводства.

Однако, судя по крикам начальства, в вежливости своей и деликатности на этот раз старший следователь зашел слишком далеко.

Тем не менее, как говорят, все плохое когда-нибудь заканчивается. Закончился и запал полковника Щербакова — когда сообщили, что бежавшего блогера задержали и водворили в следственный изолятор, где ему самое место, а о домашних арестах он может теперь только мечтать.

Так или иначе, к восьми вечера Волин вернулся домой, занырнул в душ, переоделся, сварил себе сосисок и пристроился возле телевизора с бутылочкой пива, надеясь наконец в первый раз за весь день перевести дыхание.

Но не тут-то было — требовательно затрещивал мобильник. Волин с негодованием поглядел на телефон: опять начальство? Дадут ему сегодня выдохнуть или нет? На дисплее, однако, высветился номер Юрки Варламова, старинного волинского приятеля.

— Здорово, — сказал старший следователь, беря трубку. — Как жизнь молодая?

— Неважно, — каким-то сдавленным голосом отвечал на том конце провода Юрка. — Отец пропал.

Юрка был спасателем, работал в МЧС. Обязанностью его было тушить пожары, а это работа героическая, требующая немалого хладнокровия. Иными словами, Юрка был не склонен паниковать без повода, и если уж он начинал волноваться, для этого должны были быть веские основания.

Юркин отец дядя Костя был кандидатом физико-математических наук и всю жизнь до пенсии преподавал эти самые науки в разных институтах и университетах. Юрка не пошел в отца, с самого детства интересовался не математикой и физикой, а всякими героическими книжками и подвижными играми, а закончил тем, что отслужил в армии и устроился на работу в МЧС — пожарным. Дослужился до сержанта, пошел учиться в Академию гражданской защиты МЧС, откуда вышел лейтенантом. Сейчас Юрка, как и Волин, был уже майором, однако не из тех майоров, что протирают штаны на спокойных должностях: время от времени он лично выезжал на тревожные вызовы, на собственном примере

показывая молодежи, как работать в чрезвычайных обстоятельствах.

— Ты в полицию звонил? — первым делом спросил Волин.

— Пока нет, — отвечал Варламов, — хотел сначала с тобой посоветоваться.

— Ладно, диктуй адрес, — вздохнул старший следователь.

Положительно все сегодня против него. А пиво, видимо, он допьет не раньше завтрашнего дня — и то если очень повезет...